

История философии

History of Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-361-371>
EDN: IVYUIC

Научная статья / Research Article

Сравнительный анализ категорий палингенезиса в учениях Л.Н. Толстого и Лао-цзы

В.П. Абраменко

Институт Китая и современной Азии РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., д. 32
 ma-wlad@yandex.ru

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы сопоставления учений Толстого и Лао-цзы по критерию палингенезиса, положенному в основу конструирования всего идейного корпуса важнейшего трактата даосизма «Дао дэ цзин». Лапидарную формулу палингенезиса Лао-цзы сформулировал в сороковом чжане этого трактата, воссоздавая картину гармонизации Поднебесной, утверждая, что возвращение — это движение Дао, а ослабление — это действие Дао. Принцип палингенезиса является одним из фундаментальных принципов, для описания которого Толстой пользуется христологической лексикой, а Лао-цзы — эмбриологической. Выбор критерия палингенезиса для сопоставительного анализа учений обусловлен тем, что последний срабатывает как непреложный закон при постановке задачи воссоздания гармонии в социальном хаосе. На базе оценок содержания чжанов канона «Дао дэ цзин» выстроена репрезентативная линия элементов палингенезиса: категория знания/истины; категория незнания; категория простоты; категория естественности; категория «младенца»; категория недеяния; категория ненасилия. Принципы даосизма не высказываются Толстым с исследовательской последовательностью в логических определениях, но фигурируют как категории и тенденции, работая в мировоззренческих установках яснополянского мудреца. В произведениях «В чем моя вера?», «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе», «Неделание» толстовское учение преподнесено в целостности и поэтому удобно для сравнения с даосской классикой. Отмечено, что концептуальная идея Толстого зиждется на стремлении обратить людей к благу — единению со всеми людьми. Такая направленность к благу не что иное, как возвращение человеку его исконной природы, на пути к которой и реализуется принцип палингенезиса, увязанный с бойкотом цивилизации насилия. Проведенное исследование показало, что в учениях Лао-цзы и Толстого, фиксирующих опыт теоретического освоения мира, категории палингенезиса являются общими для русского и китайского духа.

© Абраменко В.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: даосизм, канон, принцип палингенезиса, категория недеяния, категория непротivления, категория естественности

Информация о финансировании и благодарности. Статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Мировоззренческая и культурная традиция Китая. Философия Китая: от истоков к современности. Литература, языки и языковая политика, письменное наследие Китая» (FMSF-2021-0011) (0170-2021-0011).

История статьи:

Статья поступила 16.11.2022

Статья принята к публикации 10.02.2023

Для цитирования: Абраменко В.П. Сравнительный анализ категорий палингенезиса в учениях Л.Н. Толстого и Лао-цзы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 361—371. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-361-371>

Comparative Analysis of Palingenesis Categories in Teachings of L.N. Tolstoy and Lao-zi

V.P. Abramenko

Institute of China and Contemporary Asia of Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovsky Av., 117997, Moscow, Russian Federation

ma-wlad@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of comparing the teachings of Tolstoy and Lao-zi according to the criterion of palingenesis, which is the basis for the construction of the entire ideological corpus of the most important treatise of Taoism “Tao de jing”. Lao-zi formulated the lapidary formula of palingenesis in the fortieth zhang of this treatise, recreating a picture of the harmonization of the Middle Kingdom, arguing that return is the movement of the Tao, and weakening is the action of the Tao. The principle of palingenesis is one of the fundamental principles for which Tolstoy uses Christological vocabulary, and Lao-zi uses embryological vocabulary. The choice of the palingenesis criterion for comparative analysis of the teachings is due to the fact that the latter works as an immutable law when setting the task of recreating harmony in social chaos. Based on the assessments of the content of the zhangs of the “Tao de jing” canon, a representative line of palingenesis elements is built: the category of knowledge/truth; the category of ignorance; the category of simplicity; the category of naturalness; the category of “baby”; the category of non-action; the category of nonviolence. The principles of Taoism are not expressed by Tolstoy with a research sequence in logical definitions, but appear as categories and trends, working in the worldview of the Yasnaya Polyana sage. In the works “What is my faith?”, “Sayings of the Chinese sage Lao-Tse”, “Non-doing”, Tolstoy's teaching is presented in its entirety and is therefore convenient for comparison with the Taoist classics. It is noted that Tolstoy's conceptual idea is based on the desire to convert people to the good — unity with all people. This orientation towards the good is nothing else than the return to man of his original nature, on the way to which the principle of palingenesis associated with the boycott of the civilization of violence is realized. The conducted research has shown that in the teachings of Lao-zi and Tolstoy, which record the

experience of theoretical exploration of the world, the categories of palingenesis are common to the Russian and Chinese spirit.

Keywords: taoism, canon, the principle of palingenesis, the category of non-action, the category of non-resistance, the category of naturalness

Funding and Acknowledgement of Sources. The article was prepared within the framework of the topic of the state task “The ideological and cultural tradition of China. The Philosophy of China: from the origins to the present. Literature, Languages and Language Policy, Written Heritage of China” (FMSF-2021-0011) (0170-2021-0011).

Article history:

The article was submitted on 16.11.2022

The article was accepted on 10.02.2023

For citation: Abramenko VP. Comparative Analysis of Palingenesis Categories in Teachings of L.N. Tolstoy and Lao-zi. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):361—371. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-361-371>

Введение

Толстовство и даосизм, представленные учениями Толстого (яснополянского мудреца) и Лао-цзы, уравновешены с методологической точки зрения, поэтому их можно сравнивать по единому основанию, не отклоняясь в сторону религиозного содержания. В качестве такого основания вполне может быть взят критерий palingенезиса, по которому выстроен весь идейный корпус «Дао дэ цзин» — одного из главных трактатов даосизма. Отточенную формулу palingенезиса дал Лао-цзы при воссоздании картины гармонизации Поднебесной, декларируя, что возвращение есть движение Дао, а ослабление — действие Дао, что мириады вещей Поднебесной рождаются в бытии, а бытие, в свою очередь, рождается в небытии [1. С. 30]. Данная формула подразумевает возвращение мириад вещей, в которые инкорпорирован и человек, к своему генетическому истоку. Выбор критерия palingенезиса для сопоставительного анализа учений обусловлен тем, что последний срабатывает как непреложный закон при постановке задачи воссоздания гармонии в социальном хаосе [2. С. 31]. Полная картина palingенезиса, по Лао-цзы, представляет собой движение двух встречных потоков: в одном потоке вещи бытия, совершая обратный генетический ход, развоплощаются в бытии и переходят в мир небытия; в другом потоке вещи, рождаясь в мире бытия, умирают для мира небытия.

В свою очередь, учение Толстого зиждется на величественном образе — сыне человеческого, Христе: нужно открыть людям истину, обратить людей к благу — единению со всеми людьми. Такая направленность к благу не что иное, как возвращение человеку его исконной природы, на пути к которой и реализуется принцип palingенезиса.

Поставленная перед нами задача состоит в следующем: выявить в учениях Лао-цзы и яснополянского мудреца сходство категорий palingенезиса,

которые должны быть общими для русского и китайского духа. Провести такое сопоставление можно на примерах даосского трактата «Дао дэ цзин», а также произведений Л.Н. Толстого: «Изречения китайского мудреца Лао-Тзе»; «В чем моя вера?», «Неделание», где толстовское учение преподнесено в целостности и поэтому удобно для сравнения с даосской классикой. Представленная ниже репрезентативная линия элементов палингенезиса выстроена на основе оценки содержания чжанов трактата «Дао дэ цзин»: категория истины/знания; категория незнания; категория простоты; категория естественности; категория «младенца»; категория надеяния; категория ненасилия. Теоретико-методологическая основа данного исследования обуславливается сформулированной задачей и включает в себя процедуры и приемы как сравнительно-исторического, так и структурно-функционального методов.

Категории палингенезиса в учениях Лао-цзы и Толстого

КАТЕГОРИЯ ИСТИНЫ / ЗНАНИЯ. По Лао-цзы, палингенезис полагает знание конечного предела, возвращение к генетическому истоку (зародышу), в котором пессимизм конечного бытия меняется на оптимизм бессмертия, на пребывание в бестелесной (сверх физической) сущности небытия. Такая форма энергийного существования субъекта дает эффект умственного просветления (знания) и позволяет созерцать мировой круговорот вещей:

*Вот и достиг предела пустоты,
В душе моей — покой и чистота,
Здесь зрелище вселенской простоты:
Небытия и бытия врата.*

*У всех вещей единая судьба,
Всему черед свой, истекает срок,
Вновь возвращаются они сюда,
Где корень жизни-смерти — их исток.*

[3. С. 75]

В свою очередь Толстой, приравнивая свое учение к учению Христа, говорит, что дорога к благу лежит через веру и знание истины. Однако учение Христа искажено и оболгано церковью. Поэтому человеку необходимо уяснить подлинное существо учения, прийти к его правдивому пониманию, и тогда он станет обладателем и истины, и веры. Толстой пишет, что он высветил для себя понимание учения Христа, которое ему обнажило истину и предстало перед ним во всей ясности и убедительности, что учение Христа является учением об истине, а основа веры, согласно учению Христа, покоится на свете истины. Конструируя этот ряд триады: учение — истина — вера, — Толстой предлагает человеку вовлечься в него, чтобы направиться по дороге к благу, дарующей спасение. Путь к учению Христа указывает сам Толстой, поднявший над собой свет истины «единственный смысл моей жизни в том, чтобы жить в том свете, который есть во мне, и ставить его не под спуд, но высоко перед людьми, так, чтобы люди видели его» [4. С. 461]. Здесь Толстой в своих рассуждениях близок к Лао-цзы, который взор человечества Поднебесной обращал к благу, вознося над собой Великий Образ Дао:

*Кто Образом Великим обладает,
К тому вся Поднебесная спешит,
Приходит, о заботах забывает,*

*Находит от невзгод надежный щит
И угощение, и радость, а придется —
Здесь и забредший путник остается.*

[3. С. 113]

КАТЕГОРИЯ НЕЗНАНИЯ. Палингенезис двунаправлен: имеются две его ветви, замыкающиеся в круг. Лао-цзы объявляет только то знанием, что получено в круге палингенезиса. На первой ветви палингенезиса, направленной от младенца (*цзы* 子 [5. С. 16]) к взрослому состоянию, приобретает первое знание. На другой ветви палингенезиса, направленной от взрослого состояния к младенцу, приобретает второе знание:

*Имеет Поднебесная начало,
Оно и есть для Поднебесной Мать,*

*Достигнешь Матери — вещей зачала —
Ее младенца хватит сил познать.*

[3. С. 147]

Знание, получаемое за пределами круга палингенезиса, Лао-цзы отбрасывает, считает его искусственным, приносящим скорбь и зло. При этом отбрасывание цивилизационного знания Лао-цзы переносит и на функционально-действенный палингенезис (деяние недеяния), и на образовательно-просветительский палингенезис (учение неучения).

Толстой отвергает знание, полученное в *нашем ложно организованном обществе* [6. С. 187], он ценит только знание истины, под которым он подразумевает веру в Христа. О новой науке Толстой отзывается нелестно, называя ее ложью и суеверием. Он убежден, что пройдет несколько веков, и об истории научной деятельности цивилизованного европейского человечества будущие поколения будут вспоминать с усмешкой и жалостью [4. С. 381]. Подлинной наукой, по Толстому, являются только этические учения великих мыслителей, дающие человеку цели его жизни и правила жизненного поведения.

КАТЕГОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОСТИ. Принцип палингенезиса — это обратное антропогенезу и социогенезу движение к естественности (*цзыжань* 自然 [7. С. 211]). По Лао-цзы, для спасения Поднебесной, включающей Человека, Землю, Небо, Дао, ей необходимо придать импульс движения в обратном направлении — к истокам эволюции природно-человеческого мира: «Человек берет за образец Землю, Земля берет за образец Небо, Небо берет за образец Дао, Дао берет за образец Естественность-цзыжань» [1. С. 96]. Естественность — исходная граница приготовления человека к пределу палингенезиса.

Толстой придает природе черты мудрости и красоты, ратует за воссоединение с ней человека, обретающего на этом пути счастье. Одним из первых условий счастья, признаваемых всеми, он полагает жизнь, которая не нарушает взаимосвязи человека с природой, это жизнь, наполненная общением человека с растительным миром и животными, не исключая свободный труд на земле. Если отсутствуют подобные условия существования, то жизнь

для людей становится беспроектной и тягостной, и они считают ее несчастной [4. С. 418].

КАТЕГОРИЯ ПРОСТОТЫ. Лао-цзы призывает людей вернуться к естеству, на пути к которому и происходит духовное перерождение человека, возврат к первоначальной простоте. Однако люди не понимают великого даоса, они сворачивают с широкого Дао-пути, погружаются в мир страстей. Сам Лао-цзы, как совершенномудрый, прост и хранит все ценности в душевной глубине. Он опечален тем, что хотя слова его понятны и им, не прилагая усилий, можно следовать, однако в Поднебесной нет людей, которые бы уразумели смысл его наставлений и придерживались бы их [3. С. 182].

В соответствии с законом палингенезиса Толстой, принимая мировоззренческую переориентацию на естественность, пересматривает основы уклада жизни, стремится, как и Лао-цзы, к простоте: «Все, что прежде казалось мне хорошим и высоким — богатство, собственность всякого рода, честь, сознание собственного достоинства, права, — все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мне дурным и низким — работа на других, бедность, унижение, отречение от всякой собственности и всяких прав, — стало хорошо и высоко в моих глазах ... что казалось дурным и низким — мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов, — все это стало для меня хорошим и высоким» [4. С. 454].

КАТЕГОРИЯ «МЛАДЕНЦА». В завершающей форме палингенезиса все существа Поднебесной достигают стадии младенца (*цзы* 子). Здесь они, возвратившись к своему генетическому истоку, пребывают в своей первородной сущности. Как уже отмечалось, палингенезис двунаправлен: на одной ветви палингенезиса младенец находится у выхода из первородного лоно (*чу* 出 — выходить/рождаться), на второй ветви палингенезиса младенец стоит на входе в первородное лоно (*жу* 入 — входить/врождаться). Младенец является первой и последней генетической формой рождения и исчезновения вещей. Любая вещь, какой бы она ни была старой, содержит в себе «младенчество». Именно младенец, по Лао-цзы, вышедший из первородных глубин, несет в себе великость, равномошную Дао. Поэтому пробудить в человеке детскость означает — и сделать его равновеликим Дао, и указать ему палингенезисный путь к Дао. Лао-цзы намечает дорогу к спасению человечества с помощью совершенномудрого, которому необходимо слиться своим сердцем с сердцами людей, обратившись к ним с верой и добром, сделать их детьми, неискусенными благами цивилизации:

*Совершенный умом весь в заботах
отеческих,
Он от Дао рожден
И сердца ста родов человеческих
Носит в сердце своем ...*

*В Поднебесной премудрый за Дао шагает,
Милосердие чтит, хаос сердцем вдыхает,
Силы все отдает ради блага земли
И людей называет своими детьми .*

[3. С. 141]

Категория «младенца» у Толстого срабатывает в его космополитизме. Откинув все толкования ученого богословия, Толстой себя сделал сыном Христа, доверившись его слову: «если не примете меня, как дети, не войдете в царствие божие» [4. С. 310]. В данном случае Толстой, используя термин «дети», прибегает к категории «младенца», которая обладает великостью, как и учение Христа. Поскольку космополитизм планетарен, охватывает всех людей, то у Толстого под категорией «младенца» («детей») явно просматривается Поднебесная братства народов: «Я знаю теперь, что все люди везде равны и братья... Вы все дети одного отца, и будьте так же, как и отец, т. е. не делайте разделения между своим народом и другими, со всеми будьте одинаковы. Я понимаю теперь, что благо возможно для меня только при признании своего единства со всеми людьми мира без всякого исключения» [4. С. 460].

КАТЕГОРИЯ НЕНАСИЛИЯ. Ненасилие (*бу чжэн 不爭* — не соперничать, не бороться), как и предыдущие категории, следует из закона палингенезиса, по которому гарантом неодолимости младенческой слабости выступает безымянное Дао: хотя оно и является младенчески слабым, но никто в Поднебесной не может подмять его под себя, навязать ему свою волю и подчинить. Лао-цзы дает природный образец «мягкой силы и слабости», ссылаясь на первородную стихию воды:

*Нет в Поднебесной ничего такого,
Что мягче и слабее, чем вода,*

*Но сломит, победит она любого,
Взять верх над нею, одолеть ее —
тщета.*

[3. С. 199]

Великий даос концептуализирует принцип ненасилия и делает его доктриной управления государством. Он не навязывает искусственных конституций, не предлагает их в качестве государственных законов, поскольку ненасилие делает их излишними. С точки зрения Лао-цзы, любая борьба приводит к еще большему разжиганию хаоса, надо одерживать победу над противником, не ввязываясь с ним в схватку:

*Не прибегает к силе лучший воин,
Искусный в ратном деле он, герой —*

*Бесстрашен, рассудителен, спокоен,
Громит врага, не ввязываясь в бой.*

[3. С. 179]

Лучшая война — это не соприкосновение с противником, это оборона с иллюзией наличия солдат, поэтому необходимо отказаться от армий. Фактически даосская армия не существует, поскольку в ее рядах нет ни одного человека, следующего Дао:

*Обученное войско — средство власти,
Ее орудие — и меч, и щит,*

*А для народа — сущее несчастье,
Обретший Дао, в нем не состоит.*

[3. С. 105]

Людскую массу не следует запугивать, поскольку, если народ не страшит власти, великая власть приходит сама, и даже для усмирения смуты необходимо действовать с помощью добра. Ненасилие отбрасывает поведенческие установки, способствующие умножению числа преступлений и обнищанию народа. По Лао-цзы, когда плодятся кипы законов и приказов, все больше множатся ряды разбойников и воров [8. С. 146]. Между большими и малыми царствами Лао-цзы предлагает свою практику отношений, которые он считает естественным течением рек: мелкие речки, сливаясь, формируют в низовье мощный поток большой реки. По Лао-цзы, *царство великое — это низовье реки* [3. С. 215], поэтому большое царство подчиняет малое царство без всякой борьбы, оказываясь внизу, поскольку там полагается быть великому. По принципу ненасилия Лао-цзы задает и соответствующее государственное устройство. Поскольку в ходе развития цивилизации большое государство является совокупностью насильственно объединенных царств, то в нем подвержены деформации органические формы этносов. Великий даос предписывает человечеству вернуться к малым безымянным родовым объединениям, царствам необходимо быть маленькими, населению — редким, а имеющееся в неисчислимом множестве оружие не должно применяться [3. С. 202]. В сферу даосской политической культуры Лао-цзы вводится ненасильственная установка: отвечать *добром на зло*. Как совершенномудрый человек Лао-цзы в выборе нетленного принципа жизни неуклонно следует данному правилу: кто добрый, относись к тому с добром, и кто не добрый, относись к тому также с добром.

У Толстого и Лао-цзы категории «ненасилия» («непротивление злу») особенно тесно увязаны. Ненасилие Толстой отыскивает среди заповедей Христа, призывающих не защищаться насилием и не воевать. *Непротивление злу* обрело для Толстого концептуальную определенность, раскрывшую истину в учении Христа: «Место, которое было для меня ключом всего, было место из V главы Матфея, стих 39-й: „Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу“ ... Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит. И тотчас не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина восстала предо мной во всем ее значении» [4. С. 310]. Принцип *непротивления злу* Толстой экстраполирует на все сферы жизни, выбирая его в качестве всеобъемлющего закона всего сущего. Программный тезис Толстого состоит в том, что истинное знание зла и не-зла принадлежит только Богу, но не людям, использующим насилие. На приговорах, сетует Толстой, лежит субъективная печать несправедливости, значит, в судебных решениях отсутствует беспристрастная и незыблемая мера. Яснополянский мудрец утверждает, что положение о *непротивлении злу* консолидирует все его учение в одно целое, но при одном условии: когда оно становится не столько высказыванием, сколько правилом, обязательным к исполнению, то есть обретающим силу закона [4. С. 315]. Он призывает не противиться *злему* насилием,

никогда не осуществлять насилия, то есть не совершать действий, которые всегда противопоставлены любви. Даже если кто-то нанесет тебе обиду, то не надо выносить ее наружу и в ответ прибегать к насилию над обидчиком. Принцип *непротивления злу* у Толстого находится рядом с правилом *добром на зло* и отображается Толстым высказываниями Христа, которые противопоставляются цивилизационным установкам: «Христос говорит: *не противиться злему*. Цель судов — *противиться злему*. Христос предписывает: *делать добро за зло*. Суды воздают злом за зло. Христос говорит: *не разбирать добрых и злых*. Суды только то и делают, что этот разбор» [4. С. 320]. Так Толстой в качестве руководящего принципа, являющегося залогом одоления зла, вводит христианский закон, согласно которому «неотвечание злом на зло» служит средством победы над всеми, кто творит зло.

КАТЕГОРИЯ НЕДЕЯНИЯ. Спонтанный процесс палингенезиса осуществляется благодаря недеянию (*у вэй 無為* [9. С. 30—35]). По Лао-цзы, совершенномудрый уравнивает социальную и природную сферы Поднебесной, ведя *учение без слов* и *правя службу недеяния*. Это дает вещам возможность самим собой рождаться, формироваться и достигать зрелости. Тип управления Поднебесной совершенномудрый выбирает таким, чтобы он соответствовал максиме, согласно которой нужно осуществлять недеяние, и тогда во всем порядок установится сам. Недеянием, к которому призывает Лао-цзы, устраняются все препятствия для человека, идущему по пути спонтанного палингенезиса. Недеяние не означает полного бездействия, *у вэй* имеет в виду отказ от целеполагающей деятельности, опирающейся исключительно на эгоистический интерес, тогда человек сам вовлечется в процесс палингенезиса. Совершенномудрый недеяет и молчит, стоит в параллели вещам, двигается вместе с ними по кругам генетического цикла, не мешая течению миротворения. Таким образом Лао-цзы ратует за то, что недеяние является лучшей формой социального деяния. Так обеспечивается возвращение народа к онтологической чистоте его разума, бесстрастному духовному естеству, поскольку в работу включаются скрытые возможности первородных сил.

К недеянию Толстым был проявлен особый интерес. В статье «Неделание» на злободневный вопрос «Что делать?» Толстой обращает пристальное внимание на даосские идеи. Выработывая свою точку зрения на недеяние, яснополянский мудрец выразил полное согласие с Лао-цзы, поэтому категорию *неделания* как синоним *недеяния* Толстой включает в состав своего учения в качестве органической части общей философии непротивления злу и осуществляет критику общества с позиций даоса. Народ избавился бы от многих бедствий, если бы он соблюдал *неделание*. Лев Николаевич, отмечает, что беды, которые обрушиваются на людей, усугубляются не столько потому, что они не делают того, что нужно, а оттого, что совершают поступки, которые не следует делать. Если бы люди придерживались *неделания*, то это избавило бы их и от личных горестей, и от общественных. По убеждению Толстого,

именно такой идеи придерживается в своем учении китайский философ Лао-цзы. Для наступления перемен в чувствах и действиях людей, по словам Толстого, необходимо, чтобы люди остановились, опомнились и задумались бы, как осуществить то, к чему давным-давно призывают их сердце и разум [б. С. 201]. Как видно, в проекции на древность высказываниям яснополянского мудреца вполне созвучны идейные соответствия в даосской классике.

Заключение

Толстой был первым из русских писателей, кто сделал начальные шаги в системе духовных максим даосского Дао. Он не просто заимствовал их у Лао-цзы, но и творчески их переосмыслил, вплотную связав с даосскими принципами. Вслед за Лао-цзы он определил доктринальные установки для гармоничного природно-социального устройства современного ему общества, сформулировал концепцию идеального миропорядка человечества. Истоковывая перевод трактата «Дао дэ цзин», Толстой выразил краткую формулу палингенезисной направленности мира вещей в такой форме: «Все вещи мира возникают от бытия, бытие возникает от небытия» [10. С. 353], осознавая, что в предел небытия уходит лишь искусственная цивилизация; затем начинается генезис, где нет места искусственно заданному образцу общества. Толстой использует христологическую лексику в своем учении, однако используемые в нем понятия с содержательной точки зрения — это те же категории палингенезиса, которые наблюдаются и у Лао-цзы.

Проведенное исследование показало, что в учениях Толстого и Лао-цзы, фиксирующих опыт теоретического освоения мира, категории палингенезиса являются общими для русского и китайского духа. Апелляция Толстого к даосской классике вызвана его стремлением поставить перед человечеством задачу реконструкции мышления человечества с соединением перестройки цивилизации, что говорит о глубинном проникновении Толстого в древнекитайскую мысль. Сопоставление высказываний Лао-цзы и яснополянского мудреца демонстрирует, что русские и китайские духовные архетипические максимы совпадают, а значит, и могут подводить к высоким уровням взаимопонимания, к осознанию необходимости еще более тесной консолидации культурной и политической жизни России и Китая.

Список литературы

- [1] Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия. Часть 2. Философия даосизма. М. : ИДВ РАН, 2015.
- [2] Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия. Часть 3. Философия конфуцианства. М. : ИДВ РАН, 2017.
- [3] Лукьянов А.Е. Дао дэ цзин. М. : ИДВ РАН, 2008.
- [4] Толстой Л.Н. В чем моя вера? М. : Художественная литература, 1957. Режим доступа: <https://tolstoy.ru/online/90/23/> (дата обращения: 07.09.2022).
- [5] Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия. Ч. 1: Становление китайской философии. М. : ИДВ РАН, 2012.

- [6] Толстой Л.Н. Неделание. М. : Художественная литература, 1954. Режим доступа: <https://tolstoy.ru/online/90/29/> (дата обращения: 12.08.2022).
- [7] Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: курс лекций. М. : Институт философии РАН, 2012.
- [8] Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. : Л.: Академия Наук СССР, 1950.
- [9] Архангельская А.С. Парадоксы феномена недеяния // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2010. Т. 23. № 1. С. 30—35. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-fenomena-nedeyaniya> (дата обращения: 14.09.2022).
- [10] Толстой Л.Н. Изречения Лао-Тзе. М. : Художественная литература, 1956. Режим доступа: <https://tolstoy.ru/online/90/40/> (дата обращения: 09.07.2022).

References

- [1] Lukyanov AE. *Ancient Chinese philosophy. Part 2. Philosophy of Taoism*. Moscow: IDV RAS; 2015. (In Russian).
- [2] Lukyanov AE. *Ancient Chinese philosophy. Part 3. Philosophy of Confucianism*. Moscow: IDV RAS; 2017. (In Russian).
- [3] Lukyanov AE. *Tao de jing*. Moscow: IDV RAS; 2008. (In Russian).
- [4] Tolstoy LN. *What is my faith?* Moscow: Artistic literature; 1957. Available from: <https://tolstoy.ru/online/90/23/> (accessed: 07.09.22). (In Russian).
- [5] Lukyanov AE. *Ancient Chinese philosophy. Part I. The formation of Chinese philosophy*. Moscow: IDV RAS; 2012. (In Russian).
- [6] Tolstoy LN. *Non-doing*. Moscow: Artistic literature; 1954. Available from: <https://tolstoy.ru/online/90/29/> (accessed: 12.08.22). (In Russian).
- [7] Rykov SJu. *Ancient Chinese philosophy: a course of lectures*. Moscow: Institute of Philosophy RAS; 2012. (In Russian).
- [8] Jan Hin-shun. *The ancient Chinese philosopher Lao Tzu and his teachings*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1950. (In Russian).
- [9] Arkhangelsk AS. Paradoxes of the phenomenon of non- action. *Scientific notes of the Tauride VI. Vernadsky National University. The series "Philosophy. Cultural studies. Political Science"*. 2010;23(1):30—35. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-fenomena-nedeyaniya> (accessed: 14.09.22). (In Russian).
- [10] Tolstoy LN. *Sayings of Lao-Tze*. Moscow: Artistic literature; 1956. Available from: <https://tolstoy.ru/online/90/40/> (accessed: 09.07.22) (In Russian).

Сведения об авторе:

Абраменко Владимир Петрович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия (e-mail: ma-wlad@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-6746-9028

About the author:

Abramenko Vladimir P. — Candidate of Sciences (Technical), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: ma-wlad@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-6746-9028